

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 316.4

DOI: 10.17853/1994-5639-2019-1-97-123

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДА КАК ФАКТОР ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА)

С. Б. Абрамова¹, Н. Л. Антонова², О. И. Пименова³

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия.

E-mail: ¹sofia_abramova@mail.ru; ²n-tata@mail.ru; ³narabote.ya@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* Привлекательность крупных городов как наиболее предпочтительных мест проживания, где имеется широкий спектр возможностей для удовлетворения насущных потребностей современного человека, сегодня становится одним из определяющих факторов интенсификации территориальной мобильности молодежи. Образ города и образ «будущего» оказываются тесно связаны в сознании молодых людей и сливаются в целостный образ, в котором мегаполис, как высокоресурсная территория, выступает особым пространством для реализации жизненных планов. Потенциальным драйвером развития территории (города, региона, страны) является студенчество, поэтому, создавая привлекательную городскую среду, следует особое внимание уделять интересам этой самой активной и креативной социальной группы.

Цель публикации – опираясь на результаты социологического исследования, проанализировать аспекты привлекательности городской среды с точки зрения студенческой молодежи и определить влияние данных представлений студентов на их гипотетические и реальные территориальные перемещения.

Методология и методики. Эмпирическую базу исследования составили полустандартизированный анкетный опрос студентов девяти вузов г. Екатеринбурга (n = 200) и глубинные интервью с представителями разных типов ориентаций на территориальную миграцию (n = 8). Собранные материалы обрабатывались с помощью метода тематических сетей.

Результаты и научная новизна. Рассмотрены факторы, обеспечивающие, по мнению респондентов, комфортность жизни в городе; охарактери-

зованы конкурентные преимущества и недостатки среды мегаполиса; показано, как ее специфика отражается на жизненных планах студентов. Выделены два варианта идеализированных представлений о городе как месте для жизни: 1) «комфортный» город для повседневных практик, открытый для инноваций и творчества; 2) «инструментальный» город – площадка для карьерного роста и материального благополучия, которая может быть эмоционально непривлекательна, но функционально эффективна. Обнаружено, что основным фактором, сдерживающими мобильность молодежи, выступают сложившиеся и воспроизводящиеся в пространстве постоянного проживания социальные связи и отношения. Большинство испытуемых откладывает или отвергает решение о миграции из-за очевидных существенных рисков. Однако 42% респондентов заявили, что планируют переезд в другой российский город либо за рубеж. В мотивационной структуре территориальной мобильности лидирующие позиции занимают стремление к самостоятельности, сформировавшийся идеализированный образ города и несоответствие этому образу и личным актуальным потребностям условий, в которых в настоящее время пребывают молодые люди. Сделан вывод о том, что стратегическим направлением в проектировании городского пространства должно быть повышение социокультурной, экономической, экологической устойчивости территории. Административным структурам как агентам, иницилирующим, внедряющим и регулирующим комплексные стратегии повышения привлекательности территории, необходимо учитывать не только территориальный капитал, которым располагает мегаполис, но и типичные нужды и интересы целевых для развития города социальных групп, особенно относящихся к креативному классу.

Практическая значимость. Представленные в публикации материалы и выводы авторов могут быть полезны при определении приоритетных направлений развития городской среды, разработке внутригородской молодежной политики и программ формирования у студентов компетенций, связанных с жизненным планированием и готовностью к мобильности.

Ключевые слова: город, мегаполис, привлекательность города, студенты, территориальная мобильность, жизненные планы.

Благодарности. Авторы статьи выражают признательность рецензентам за анализ представленной работы.

Для цитирования: Абрамова С. Б., Антонова Н. Л., Пименова О. И. Привлекательность города как фактор территориальной мобильности в оценках студентов (на примере города Екатеринбурга) // Образование и наука. 2019. Т. 21, № 1. С. 97–123. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-1-97-123

ATTRACTIVENESS OF A CITY AS A FACTOR OF TERRITORIAL MOBILITY IN STUDENT ESTIMATES (ON THE EXAMPLE OF EKATERINBURG)

S. B. Abramova¹, N. L. Antonova², O. I. Pimenova³

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

E-mail: ¹sofia_abramova@mail.ru; ²n-tata@mail.ru; ³narabote.ya@yandex.ru

Abstract. *Introduction.* The attractiveness of the city as a place to live and fulfill needs becomes one of the determining factors for the intensification of territorial mobility among young people. The image of the city and the image of the “future” are closely related and interdependent in consciousness of young people. Megalopolis as a high-resource territory is a special space for the implementation of students’ life plans. Hence, it is important to pay special attention to students as a potential driver for the development of the territory (city, region, country), creating an attractive urban environment.

Aim. Taking into account the results of a sociological study, the *aims* of the publication were the following: to analyse the attractiveness of the city, to characterise its place in the life planning of students and to determine the role in territorial movements.

Methodology and research methods. The empirical basis of the study was a semi-standardised questionnaire for students of 3–4 courses at 9 universities in Ekaterinburg (n = 200), and in-depth interviews with students representing different types of orientations to territorial mobility (n = 8). Collected data were processed by means of a method of thematic networks.

Results and scientific novelty. According to respondents, the factors, which provide comfort of life in the city, are considered; competitive advantages and shortcomings of the environment of the megalopolis are characterised; it is shown how its specific characteristics are reflected in vital plans of students. Two idealised ideas of the city as the place for life are allocated: 1) a “comfortable” city for everyday practices and open for innovations and creativity; 2) an “instrumental” city as the platform for career development and material welfare, which can be emotionally unattractive, but functionally effective. The factor constraining territorial mobility is the reproduction of social connections and relations in the current residence area; students view the movement as a type of risky behaviour. However, 42% of respondents include in their life plans a move to another city, located both in Russia and abroad. In the motivational structure of territorial mobility, the leading positions are occupied by the desire for independence, the idealised image of the city planned for life, and the discrepancy between the conditions of a particular city and the actual needs of the young generation. Hence, the strategic direction of planning and designing urban space is the increase in the socio-cul-

tural, economic, and environmental sustainability of the territory. Administrative structures as the agents, initiating, introducing and regulating the complex strategy of increase in attractiveness of the territory, need to consider not only the territorial capital, which the megalopolis has, but also typical needs and interests of the target social groups, especially those related to the creative class.

Practical significance. The presented materials and the authors' conclusions can be used to determine the priority directions of the development of urban environment and intra-urban youth policy and to develop programmes for forming students' competencies related to life planning and territorial mobility.

Keywords: city, megalopolis, attractiveness of the city, students, territorial mobility, life planning.

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers for their thoughtful and thorough reading and evaluating the research provided.

For citation: Abramova S. B., Antonova N. L., Pimenova O. I. Attractiveness of a city as a factor of territorial mobility in student estimates (on the example of Ekaterinburg). *The Education and Science Journal*. 2019; 1 (21): 97–123. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-1-97-123

Введение

Современные города становятся своеобразными «узлами», определяющими векторы территориальной мобильности разных групп населения. Если еще полвека назад прирост численности городских жителей осуществлялся прежде всего за счет миграции уроженцев села, то сегодня наблюдается активный миграционный обмен между городами.

Урбанисты отмечают, что процессы экономической реструктуризации, деурбанизации, метрополитизации актуализируют вопросы качества жизни и комфортности места жительства как никогда ранее [1]. Это стимулирует появление различных программ и проектов, нацеленных на развитие городской среды (стратегия «Европа 2020», Лиссабонская стратегия и др.)¹, и формирует научный дискурс, предметами которого становятся факторы притягательности городских поселений, соответствующие образ и стиль жизни.

Так, А. Kwiatek-Sołtys и Н. Mainet в контексте изучения социального спроса на качественную среду обитания рассматривают привлекательность малых городов в Польше и Франции как комбинацию личных и коллективных аспектов жизнедеятельности [2].

¹ Making our cities attractive and sustainable. How the EU contributes to improving the urban environment. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2010. 36 p. DOI: 10.2779/42720.

J. Sinkien и S. Kromalcas указывают на реализацию коллективных потребностей городских сообществ и бизнес-структур как на стратегию повышения престижности города для жизни [3].

Согласно данным J. Dai, «личная траектория» человеческого капитала, творческая и образовательная городская среда выступают ключевыми факторами выбора города как места работы представителями «креативного класса» Китая [4].

Городская среда, позволяющая реализовать широкий спектр потребностей жителей, превращается в мощный мотиватор территориальной мобильности граждан, в первую очередь молодых. Стимулирование трудовой, образовательной и социальной мобильности в «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации до 2025 года» заявлено в качестве одной из приоритетных задач¹. Такой подход нацелен на создание условий для самореализации молодого поколения, которое при выстраивании своих жизненных планов учитывает среди прочего и привлекательность выбираемой территории проживания.

Положительная оценка актуального потенциала городской среды запускает механизмы формирования самоидентификации с местом жительства. В данном процессе В. Д. Разинская выделяет три уровня: эмоциональное отождествление (ощущение тесной связи с городом), сформированность ориентаций (желание быть причастным к жизни города) и реальную деятельность (практическая включенность в городскую общность) [5, с. 111]. Эти составляющие самоидентификации определяют готовность молодого человека остаться в конкретном населенном пункте для осуществления своих намерений и реализации предполагаемой жизненной траектории.

С точки зрения В. В. и Т. В. Гаврилюк, А. А. Мехришвили, Н. И. Скок и В. В. Маленкова, привлекательность того или иного города складывается из его эмоционального (вплоть до гедонистического) восприятия и логически-рационального оценивания. Образ города как пространства жизнедеятельности встраивается у молодых людей в целостный образ «завтра», которое предстает в виде «совокупности черт конструируемого рассудочного и аффективно феномена “будущего” в сознании» [6, с. 14].

Согласно социологическим исследованиям (например, проведенным в Свердловской области РФ), для молодежи образ будущего связан с уровнем

¹ Об утверждении основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р [Электрон. ресурс]. Режим доступа: static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf (дата обращения: 30.09.2018).

удовлетворения потребностей в самореализации [7] и достижения жизненного успеха [8]. Именно этим и определяется отношение к месту проживания (благоприятное / неблагоприятное; позитивное / негативное).

Е. Н. Заборова и А. Ф. Исламова, задавшись вопросом, насколько велика роль города как фактора, влияющего на реализацию потребностей человека, выяснили, что в иерархии условий он занимает четвертую позицию, уступая только личным усилиям самого человека (1-е место), наличию социальных связей, воздействию семьи и друзей (2-е и 3-е места соответственно) [9, с. 100].

Молодежь – самая динамичная социальная группа. Выступая субъектами социальной активности и инноваций, в поисках своего места в цифровом обществе молодые люди стремятся влиться в городской социум, где интенсифицированы взаимодействия между разными стратами общества и непрерывно совершенствуются механизмы и инструменты коммуникации. Диалогичность городской среды, социокультурная гетерогенность, интеллектуальная духовная жизнь привлекают молодежь в мегаполисы, задавая координаты ее территориальной мобильности.

Обзор литературы

В социологическом измерении город выглядит как арена «действий и взаимодействий социальных групп и общностей, как интегрирующее звено в системе воспроизводства социальных связей и отношений» [10]. Взаимоотношения здесь отличаются анонимностью, функциональным характером и высокой частотой контактов [11]. Ускоренный темп жизни, многообразие видов деятельности горожан детерминируют интеллектуальный характер их жизненной активности, тогда как в сельской местности преобладают чувственные отношения [12].

Р. Флорида считает, что социальные изменения в современном обществе во многом обусловлены трансформацией социальных действий и взаимодействий жителей больших городов. Мегаполис становится «вместилищем креативности и средством ее мобилизации» [13], что создает условия для привлечения в него молодежи как потенциальной высокоресурсной группы, из которой в будущем возможен рекрутинг в интеллектуальную творческую элиту.

Поясним, что в рамках дискуссии о сущности понятия мегаполиса мы придерживаемся позиции В. И. Курочкина, согласно которой «это крупный город, образовавшийся в результате концентрированной формы расселения людей со слиянием ареалов-конурбаций в единое социально-экономическое и политико-правовое территориальное пространство» [14].

Мегаполис, как особая среда проживания, создает специфические условия жизнедеятельности и новые основания для формирования образа города. В сверхинтегрированной экономической, социальной и политической системе мегаполиса, с одной стороны, концентрируются ресурсы и возможности их использования, с другой – разрушается единство территориального социума, конструируется пространство сосуществования людей, отличающееся высокой степенью напряженности и насыщенное конфликтами (как латентными, так и открытыми) [15, с. 207].

Через мегаполисы проходят мощные потоки информации, людей, товаров, знаков, образцов и символов, что порождает новый тип города, который М. Кастельс назвал «информациональным» [16, с. 70]. Усложненная и неоднородная структура его среды интенсифицирует территориальную мобильность, «выталкивая» одних жителей и «вовлекая» новых.

Как подчеркивает Н. В. Кузьмина, социальная, культурная, символично-семиотическая сложность мегаполиса не означает его исключительную «столичность». В его пространстве могут присутствовать и черты провинциальности [17]. Так, Екатеринбург, один из современных мегаполисов, в котором проводилось наше исследование, относится к крупнейшим экономическим и финансово-деловым центрам не только России, но и мира. С одной стороны, это флагман Урала, периодически претендующий на статус третьей столицы страны, с другой – провинциальный город, весьма отдаленный территориально от исторических столиц – Москвы и Санкт-Петербурга. Такое распространенное сочетание различных, иногда прямо противоположных характеристик в каждом из мегаполисов привело к доминированию регионального подхода в западных исследованиях, посвященных изучению урбанистической культуры и социологии города. Анализ соответствующей литературы, проведенный Р. Costa, говорит о том, что каждый автор в своих изысканиях исходит из существующих региональных реалий и конкретных особенностей городской ситуации [18].

Вместе с тем независимо от региона / страны главным их экономическим ресурсом в настоящее время является молодое поколение, способное в будущем обеспечить благополучное развитие территории. По мнению L. Wilken, готовность молодежи к кардинальным изменениям связана с мечтами о создании для себя лучших условий жизни [19].

Крупные города помимо прочего – это места сосредоточения выпускников школ – потенциальных студентов системы профессионального образования, которая выступает базовым и решающим фактором формирования интеллектуального ресурса мегаполиса и обеспечения его производительными силами высокого уровня качества [20, с. 38]. В частности, за

счет выпускников-студентов и их мобильности воспроизводится слой «работников знаний» [21]. Этим обусловлен особый исследовательский интерес к студенчеству как основному образовательному и профессиональному резерву развития города.

Проживание в мегаполисе усиливает среди молодых людей тенденции жизненного планирования и мобильности, свойственные современному обществу. Рассматривая категорию «личное планирование развития», R. Brooks анализирует склонность студентов планировать будущую трудовую деятельность, личную жизнь и другие аспекты социальной активности [22]. Опираясь на концепцию Э. Гидденса о нарастании стратегического планирования жизни (или «колонизации будущего»), исследователь показывает противоположные примеры, основанные на нежелании части студентов строить подробные и длительные планы, в том числе касающиеся места проживания в будущем.

Заметно увеличившуюся территориальную мобильность молодого поколения Л. Д. Филиогло объясняет высокой степенью нестабильности экономики [23]. Е. В. Прямыкова, М. Н. Вандышев и Н. В. Веселкова полагают, что в динамично изменяющихся реалиях «быть мобильным – значит быть современным» [24]. Эти и другие исследователи отмечают существующее противоречие между мобильностью и формированием чувства территориальной принадлежности: у высокомобильных людей это чувство выражено слабо, а у тех, кто менее склонен к смене места жительства, оно достаточно развито [25].

Однако есть ряд авторов, таких, например, как P. Gustafson [26], утверждающих, что мобильность, напротив, может укреплять территориальную принадлежность. Опыт длительного пребывания в разных населенных пунктах позволяет на основе сравнения дать оценку очередному месту жительства и утвердиться в собственной территориальной идентичности.

Многомерность данного вида идентичности, распространение концепции космополитизма [27] и новое понимание территориальных границ [28] стимулируют развитие идеи продвижения возможностей людей и человеческого капитала как фактора повышения привлекательности территории, что, в свою очередь, также способствует активизации мобильности. Последняя на фоне изменений социального, политического и культурного характера в современных обществах приобретает новые формы [29], инициаторами и носителями которых часто выступает студенческая молодежь. Например, S. Santos, чтобы показать, как пространство и общество взаимодействуют в процессе «производства мобильности», демоти-

вирует территориальную неоднородность через разные модели социальных перемещений или социальной подвижности студентов [30].

F. Giambona также отмечает актуализировавшуюся в социологических прикладных исследованиях необходимость сопоставлять социально-экономические и другие характеристики регионов, учитывать степень территориальной привлекательности и привлекательности города как фактора мобильности в жизненных планах студентов [31].

Материалы и методы

В 2017 г. нами был проведен стандартизированный, базирующийся на полиметодической стратегии социологический опрос студентов высших образовательных учреждений г. Екатеринбурга. В опросе приняли участие 200 человек, обучающихся на 3–4-х курсах в девяти вузах: Уральском федеральном университете, Российском государственном профессионально-педагогическом университете, Уральском государственном педагогическом университете, Уральском государственном горном университете, Уральском государственном университете путей сообщения, Уральском институте управления – Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Уральском государственном экономическом университете, Екатеринбургской академии современного искусства, Екатеринбургском государственном театральном институте. В состав респондентов вошли 71 юноша и 129 девушек в возрасте 18–25 лет, осваивавшие программы разных направлений и специальностей: технических и естественно-научных – 40%, гуманитарных – 36%, социально-экономических – 24%. Для 42% испытуемых Екатеринбург являлся местом рождения и постоянного проживания; 58% приехали сюда из других населенных пунктов (для 80% из них этот переезд связан с поступлением в высшее учебное заведение).

Сбор информации проходил методом раздаточного очного анкетирования по месту учебы студентов. Авторская анкета включала 12 вопросов, в том числе 10 закрытых, предполагающих выбор одного или нескольких вариантов ответа, и 2 открытых, на которые испытуемые отвечали в свободной форме, высказывая свое мнение и выражая собственные ассоциации. Полученные данные были обработаны при помощи пакета статистического анализа SPSS (версия 20).

Также была организована серия глубинных интервью (n = 8), главной целью которых стало изучение жизненных планов студентов с возможными территориальными перемещениями. Путеводитель (бланк) интервью состоял из 14 базовых вопросов, в среднем интервью длилось

35 минут. В качестве информантов с учетом ориентации обучающихся на территориальную мобильность были выбраны 4 девушки и 4 юноши в возрасте 19–21 лет, принимавшие участие в количественном этапе исследования. Обработка собранных материалов с помощью метода тематических сетей [32] позволила выделить основные темы в текстах интервью и по ключевым фрагментам произвести их группировку и ранжирование с определением системы связей между тематическими блоками.

Результаты исследования

В рамках нашего исследования привлекательность города для студенческой молодежи рассматривалась сквозь призму его характеристик, которые оценивались с точки зрения респондентов как подходящие / не подходящие для жизнедеятельности индивидов / социальных групп / социальных общностей.

Согласно полученным результатам, большое значение для студентов имеет наличие в мегаполисе парковых зон, которые не только являются экологическим фактором и визуальным фоном (зеленое пространство положительно влияет как на психическое, так и на физическое здоровье горожан), но и несут эмоциональную личностную ассоциативную нагрузку – становятся определенными смысловыми точками, местами знаковых и приятных событий – свиданий, общения с друзьями, прогулок, занятий спортом и т. д. [33].

Очень важны для города с позиций студентов развитые дорожная сеть и система общественного транспорта (в том числе метро), которые позволяют решить одну из наиболее актуальных проблем – доступность и свободу внутригородских перемещений. Транспортное сообщение становится ресурсом повседневной мобильности, обеспечивая динамичность и надежность соблюдения ритма повседневной жизни.

В качестве еще одной позитивной характеристики места проживания наши испытуемые обозначили достаточное количество культурных и развлекательных центров, предоставляющих разнообразные возможности для реализации всех функциональных направлений досуга – рекреационного, социализирующего, коммуникативного и др.

Менее низкие оценки среди факторов, обеспечивающих комфортность жизни в городе, получили, во-первых, многоэтажные высотные здания / небоскребы; во-вторых, клубы и бары (которые, как полагает Р. Ольденбург, становятся сегодня «третьим местом» в социальном пространстве горожан после дома – «номера первого» – и работы – «номера второго») [34]; в-третьих, магазины с брендовой одеждой / обувью и брен-

довые кафе и рестораны, формирующие чувство сопричастности к мировым тенденциям моды и выступающие маркерами глобализационных процессов, включенности мегаполиса в общемировое пространство коммуникации.

Оценивая непосредственно Екатеринбург, 84% опрошенных признали его привлекательность для проживания. Особенно ценными в этом плане были ответы тех респондентов, у кого был опыт жизни в другом населенном пункте, позволяющий сравнить условия и инфраструктуру различных территорий, доступность услуг и спектр возможностей, предоставляемых в разных регионах. Любопытным было и сопоставление мнений образовательных мигрантов с оценками родного города, которые дали молодые представители его коренного населения.

Среди конкурентных преимуществ города, которые формируют чувство гордости, студенческая молодежь выделила следующие.

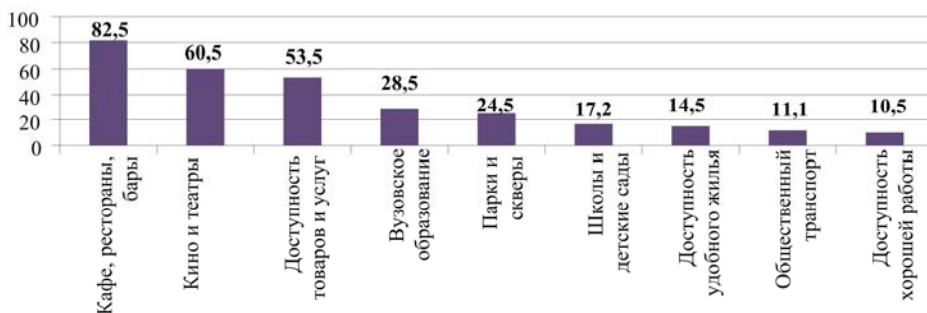
1. *Историчность* – наличие памятников архитектуры, исторических мест и зданий. Однако следует оговориться, что понятие истории респонденты трактовали весьма широко: в классическом варианте – как летопись зарождения и развития поселения; в расширенной версии, включая хронику не столь давних событий, связанных с отдельными линиями городской жизни (родина уральской рок-культуры, место рождения и начала профессиональной деятельности первого президента России Б. Н. Ельцина и др.).

2. *Значимость города в жизни страны*. Традиционно Екатеринбург воспринимается и как промышленная столица («опорный край державы»), и как культурный и интеллектуальный центр. Особо респонденты отмечали культурно-образовательное пространство «Ельцин-центра», который стал дискуссионным символом города – как памятник неоднозначной эпохи 1990-х годов и как инновационный культурный центр общественной жизни «третьей столицы».

3. *Активность развития города, его «продвинутость» во многих сферах*. В анкетных материалах указывалось на насыщенность жизни Екатеринбурга культурными событиями (массовыми общегородскими праздниками и фестивалями, выставками всероссийского и мирового уровня, мастер-классами, спортивными мероприятиями, проводимыми в хорошо оснащенных сооружениях, и пр.), на широкие возможности для саморазвития молодежи, сформированность торговой инфраструктуры.

В качестве лидирующих по уровню развития сфер городской жизни студенты назвали предприятия общественного питания (кафе, бары, рес-

тораны – 82,5%), театры и кинотеатры (60,5%) и доступность товаров и услуг (53,5%) (рисунок).

Сферы, которые развиваются в Екатеринбурге наиболее успешно, по мнению студентов, %

The most successfully developing spheres in Ekaterinburg, according to the surveyed students, %

4. Многие респонденты обозначили среди достоинств Екатеринбурга его *архитектурно-планировочное пространство*, которое определяется его историческим центром, современными зданиями и сооружениями, садово-парковыми ансамблями, а также природным ландшафтом, красотой окружающих мест, сохраненными природными заповедниками и местами отдыха горожан.

Вместе с тем при определении факторов, которые могут в наибольшей степени повлиять на выбор места проживания, студенты на первое место выдвигали возможности профессионального роста (61%) и получения высокой заработной платы (49%), что, собственно, не удивительно для данной социальной группы и соответствует ее актуальным потребностям. Причем немалая часть респондентов призналась, что готова ради карьеры и финансового благополучия в определенной мере «жертвовать» атрибутами культурной среды (на них будут ориентироваться только 29%), и условиями для личностного развития и творческой активности (21%).

Согласно результатам всероссийских исследований, большая часть молодежи довольна местом проживания: переехать из места, где они живут, хотят от четверти до трети молодых жителей больших городов и сел, в малых городах такое желание испытывают около половины¹.

¹ Опрос молодых о желании жить в другом месте и в другое время. ФОМ. Сентябрь, 2016 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://fom.ru/TSennosti/12875> (дата обращения: 26.09.2018).

В рамках нашего исследования были выявлены причины, сдерживающие территориальную мобильность студенческой молодежи.

Среди них респонденты выделили, прежде всего, сложившиеся социальные связи и отношения как источник «привязанности» к конкретной территории. Приведем один из типичных ответов: *«Мне кажется, что самое главное – социальные связи, которые не хочется разрывать. Поэтому все люди хотят жить там, где их близкие»* (жен., 19)¹.

Большинство испытуемых-аборигенов заявило, что в Екатеринбурге у них уже налажены социальные контакты, в том числе налаженные благодаря родителям и другим родственникам, и есть полезные знакомства, наличие которых служит социальным капиталом – повышает стартовые возможности в «родном» мегаполисе и увеличивает шансы на дальнейшее успешное продвижение в профессии. Некоторые респонденты искренне выражали любовь и привязанность к родной земле: *«Родной край интереснее. Мне тут хорошо, и я надеюсь, что всегда будет хорошо»* (жен., 20); другие рассуждали весьма прагматично о выгоде, которую можно получить от укорененности на определенной территории, длительности проживания в конкретном городе: *«Я не такой уж патриот, то есть я не говорю, что это моя Родина, что я ее люблю. Но здесь старт будет гораздо проще»* (муж., 21); *«...связи – этого не хочется лишаться»* (жен., 21).

Серьезными психологическими барьерами, которые мешают молодым людям быть мобильнее, являются неопределенность и трудности, связанные с переездом: *«Я бы хотела за границей где-нибудь жить, но это все равно очень тяжело. ... может быть, я не такой рискованый человек, я не могу так вот взять и уехать»* (жен., 21). Студенты отмечали риски трудоустройства, возможности жилищно-бытовых проблем, сложности интеграции в новые социальные группы.

Действительно, миграция в другой населенный пункт, регион или страну неизбежно оборачивается значительными психологическими последствиями для индивида. Так, Е. Н. Караваева и Ю. И. Савченков подчеркивают, что «переезд в новый для человека регион закономерно сопровождается изменением формально-динамических свойств психики, что проявляется определенными изменениями активности, пластичности и темпа как в моторной, так и в интеллектуальной и коммуникативной сферах деятельности» [35]. Понимание гипотетических проблем адаптации к новой городской среде тормозит принятие решения о переезде.

¹ Здесь и далее в скобках указаны пол и возраст респондентов.

Вместе с тем предпринятое нами исследование показало, что 42% его участников планируют (имеют сформированное намерение) сменить хотя бы на время место жительства. Были выделены два потенциальных направления перемещений – в другой российский город или за пределы России. Среди причин предполагаемой миграции отмечалась и образовательная мобильность: 11% опрошенных заявили, что хотели бы получить магистерское образование не в Екатеринбурге.

В качестве ведущего мотива выбора для обучения и проживания другого российского города студенты этой группы указывали потребность в обретении самостоятельности. Переезд рассматривался ими как способ поставить себя в условия абсолютной ответственности за выбор собственного жизненного пути через территориальное / физическое удаление от родительской семьи, от всего «родного»: *«Мне хочется что-то изменить, поменять обстановку, узнать, как живет в другом городе, стать немножко самостоятельной. Все-таки здесь я не буду полностью самостоятельной, полная самостоятельность будет там»* (жен., 20).

Еще один часто упоминаемый респондентами мотив территориального перемещения – сложившийся в сознании образ конкретного города, формирующийся как под влиянием его посещения, так и на основе чужих представлений, почерпнутых из средств массовой информации, рассказов друзей и знакомых. Особой популярностью у екатеринбургских студентов пользуется Санкт-Петербург, который некоторым видится как город-мечта: *«Я хочу жить в Петербурге, потому что у меня есть с 5-го класса мечта – как съездила туда»* (жен., 19); *«Там потрясающе: люди другие, воздух другой, отношения ко всему другое. Там динамично все, не как у нас»* (жен., 21). Среди ответов встречались весьма не лестные в сравнении с Санкт-Петербургом оценки Екатеринбурга, которому никогда не «дотянуться» до северной столицы и который выглядит как *«выстроенный из деревни пролетарской. Тут город – толпа, там город – личность»* (муж., 19).

Отдельным поклонникам Санкт-Петербурга и Москвы, судя по их анкетам и интервью, не нравится в уральском мегаполисе ни архитектура, ни история, ни менталитет, ни, наконец, погода, тогда как две российские столицы – *«это история и архитектура, и так много лет»* (жен., 19). Важную роль в данных предпочтениях играют представления об образовательном пространстве: доминирует мнение о том, что в столичных городах будто бы выше качество подготовки, больше шансов для зарубежных стажировок и лучше профессорско-преподавательский состав: *«Диплом престижнее, образование лучше, отличная студенческая жизнь»* (жен., 19).

В мотивационной структуре территориальных перемещений студенческой молодежи особое место занимало несоответствие возможностей для самореализации актуальным потребностям студентов, обучающихся в Екатеринбурге. Респонденты, планирующие переезд, отмечали, что им необходимы не только условия для социального продвижения и профессионального роста, но и «поддерживающая инфраструктура» – медицина, продолжение образования, досуг. По этим показателям Екатеринбург в глазах многих потенциальных мигрантов расценивался как неперспективный. По мнению этих молодых людей, их возможности в уральском мегаполисе ограничены коррупционностью, когда от личностных усилий и достижений практически не зависит ни высокое социальное положение, ни вертикальная социальная мобильность: *«Здесь возможности ограничены, даже если сравнить с тем же Питером, с Москвой той же»* (муж., 20).

Респонденты группы, о которой идет речь, не отрицали, что Екатеринбург – высокоресурсная территория, однако, на их взгляд, оставшись на месте, для достижения поставленных целей они должны будут затратить больше усилий: безусловно, успешное статусное продвижение возможно, *«...но на это надо убить полжизни, рогом бить землю»* (муж., 20). Столицы зачастую воспринимаются молодежью не только как «менее затратные», но и предоставляющие больше шансов на успех: *«Не то, что места заняты уже, а просто в Питере и в Москве более-менее ищут людей нужных. В Екатеринбурге это, конечно, тоже есть, но у нас уже как-то само собой сложилось, что это не так сильно учитывается, как там. Не ищут людей»* (муж., 21).

Сходная мотивация и при принятии решения о выезде за пределы России: необходимо стать *«прежде всего успешным человеком, который чего-то добился в жизни.... Когда это есть, автоматически появляются деньги... Ну, тебя ценят как специалиста, соответственно в капиталистическом строе это оплачивается всегда... где-нибудь за границей»* (муж., 20). Очевидно, в представлении молодого человека капитализм на российской почве не обеспечивает доступа к социальным лифтам, в отличие от западных государств. Возможно, такого рода воззрения обусловлены тем, что «капиталистические преобразования были вызваны не эволюционными изменениями российской экономической системы, а рядом государственных реформ...» [36].

Помимо потребности в социальном успехе, небольшая часть респондентов в качестве мотива международного территориального перемещения указала эффективную работу правоохранительных институтов, обеспечивающих порядок и безопасность жизнедеятельности в западных

странах, соблюдение прав и свобод их граждан: *«Например, если брать за идеал Соединенные Штаты... там действительно человек обладает правами»* (муж., 21); в Германии *«...государство лучше заботится о своих жителях», «там демократия:...у нас победил тот, у кого больше денег»* (жен., 21).

Чего, с позиций студенчества, не хватает российским городам, в том числе и Екатеринбургу, чтобы стать привлекательными для жизни и реализации потребностей в будущем? Прежде всего спокойствия, понимаемого как в контексте уверенности, стабильности (*«...чтобы было спокойствие, стабильность, надежность, и больше ничего не надо»* (жен., 21)), так и защищенности (*«...чтобы тут можно было спокойно жить... Никаких угроз для жизни, как «криминогенная обстановка, к примеру»* (жен., 20)).

Особое значение студенты придают показателю социальной справедливости, способствующей сохранению человеческих ресурсов на территории России, трактуемой респондентами достаточно широко – от сравнения с жизнью в Советском Союзе (*«Вот раньше, когда был СССР...»* (жен., 19)) до нечестности выборов (*«Какая-то надежда на справедливость, на честность выборов»* (муж., 20)).

Образ России как бедной и слабой страны также становится фактором, снижающим ее привлекательность для студентов. Среди настроенных уехать за границу активно выражен антипатриотический настрой, раскрывающийся через противопоставление себя и государства: *«Я вообще ярый оппозиционер нашего государства. Я нашему государству не верю... У нас в стране 95% оппозиционеров»* (муж., 20); *«менталитет мне не нравится в стране (в России). Менталитет, пьянство, необразованность. Например, когда приезжаешь за границу, идешь по улице, там тебе люди улыбаются, тут идешь у нас по улице, все высматривают – зависть, злость»* (жен., 21).

Полученные материалы свидетельствуют о том, что, с одной стороны, как в образовательной сфере, так и в профессиональном пространстве все более распространенным явлением, которое фиксируют исследователи во всех странах, становится транснациональная мобильность студентов [37]. С другой стороны, происходит идеализация, а точнее иконизация некоторыми респондентами жизни в западных странах: *«Я просто делаю выводы, что людям здесь живется не совсем хорошо, в нашей стране. Я не жила долго в Европе, как турист туда ездила, но почему-то я смотрю на этих людей, и мне кажется, им хорошо»* (жен., 21). Часть студентов, высказавшая готовность мигрировать за пределы России, нас-

троена пессимистично по отношению к своему государству и к городу, в котором живет в настоящее время: *«Мне кажется, что в нашей стране, городе что-либо менять – это просто бесполезно...»* (муж., 20).

Вместе с тем, несмотря на зафиксированные негативные оценки особенностей проживания в российских городах, большинство респондентов отметило, что Екатеринбург вызывает эмоциональную привязанность (65%).

По мнению С. А. Ильиных, мегаполис формирует особый тип ментальности [38, с. 81], одна из черт которой – активное привлечение опыта самих горожан для формирования образа города. Этому способствует и диалогичность как особая характеристика культурного пространства мегаполиса: посредством диалога осуществляется соединение качественно различных субъектов и феноменов, возникают общие смыслы, нормы, ценности и конвенции [39, с. 202].

Студенты ощущают свою сопричастность к изменениям, происходящим в городе, чувствуют синхронность жизни города и человека в нем: *«Он растет, меняется вместе со мной, мне будет приятно на него через 10 лет посмотреть, как он меняется»* (жен., 21). Это задает положительный вектор будущего развития мегаполиса, воспроизводства городской идентичности, социально-культурного проектирования городского пространства молодым поколением.

Заключение

Опираясь на проведенный анализ, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, город как место для жизни в представлениях студенческой молодежи раскрывается в двух образах – идеализированных представлениях:

1) «комфортный» город для повседневной жизни с парковыми зонами, развитой культурно-досуговой средой, открытый для инноваций и творчества;

2) «инструментальный» город как площадка для карьерного роста и материального благополучия: он должен обладать ресурсами для интенсивного развития как самого себя, так и проживающих в нем жителей и может быть эмоционально не слишком привлекателен, но функционально эффективен.

Во-вторых, потенциальная территориальная мобильность молодых горожан определяется их представлениями о ресурсах территории, возможностями городской среды стать платформой или даже «партнером» в реализации их жизненных планов. Мировые тенденции демонстрируют увеличивающуюся значимость для всестороннего развития мегаполисов

человеческого капитала, как возвращаемого в самом городе, так и привлекаемого извне [40, с. 328]. В этом плане мегаполис должен обладать механизмами регулирования баланса данного капитала и своих внутренних производственных, финансово-экономических, технических и пр. возможностей. Причем особое внимание должно уделяться территориальной мобильности молодежи как наиболее социально активной и адаптивной к новым условиям категории населения. Не случайно представителям именно этой социальной группы государственные и частные институты и организации предоставляют наибольшее количество льгот для осуществления образовательных и профессиональных перемещений [41, с. 96].

В-третьих, чтобы быть точкой притяжения для индивидов, обладающих особыми знаниями, востребованными в постиндустриальном обществе, городу нужно обеспечить условия для реализации запросов и потребностей таких граждан. Эвентуальный драйвер и одновременно ресурс развития городской среды – студенческая молодежь. В целях повышения привлекательности для нее мегаполиса экологическая, экономическая, социокультурная устойчивость динамики его развития должна стать генеральным стратегическим направлением в политике планирования и проектирования городского пространства. Уже сегодня администрации города как агенту, инициирующему, внедряющему и регулирующему комплексные стратегии повышения привлекательности территории, необходимо учитывать не только территориальный капитал, которым располагает мегаполис, но и типичные нужды и интересы целевых для развития города социальных групп, особенно относящихся к креативному классу.

В-четвертых, центральной задачей профессионального образования в современном обществе является формирование таких знаний, умений и качеств человека, которые обеспечат успешность выполнения профессиональных функций в условиях быстро меняющейся действительности [42, с. 40], поэтому в деятельности высшей школы важно особо выделить вектор освоения студентами компетенций, связанных с жизненным проектированием и территориальной мобильностью как инструментами реализации образовательных, профессиональных и личных планов молодежи. Перспективным направлением представляется использование зарубежного опыта по внедрению в образовательные стандарты курсов, обучающихся выстраивать карьеру, планировать жизнь и формирующих готовность к мобильности [43].

В ходе нашего исследования была апробирована разработанная авторским коллективом социологическая методика измерения привлекательности города как фактора территориальной мобильности студентов.

Перспективными направлениями дальнейших исследований нам видится сравнительный анализ привлекательности города с точки зрения представителей разных поколений; определение роли молодежи как субъекта формирования имиджа; а также контент-анализ сообществ социальных сетей, посвященных городу, выявление медийного образа города и его репрезентация в сети Интернет.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Mainet H., Edouard J-Ch. Quality of Life and Attractiveness Issues in SMSTs.: Innovative or Commonplace Policies? // Hamdouch A., Nyseth T. et al. (eds). Creative approaches to planning and local development. Critical perspectives. Insights from Small and Medium-Sized Towns in Europe, Routledge Publisher. 2017. P. 234–248 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01464952/document> (дата обращения: 29.09.2018).
2. Kwiatek-Sołtys A., Mainet H. Quality of life and attractiveness of small towns: A comparison of France and Poland // *Quaestiones Geographicae*. 2014. Vol. 33. Issue 2. P. 103–113. DOI: 10.2478/quageo-2014-0019.
3. Sinkien J., Kromalcas S. Concept, Directions and Practice of City Attractiveness Improvement // *Viešoji politika ir administravimas. Public policy and administration*. 2010. № 31. P. 147–154 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: https://www.mruni.eu/en/mokslo_darbai/vpa/archyvas/dwn.php?id=241406 (дата обращения 30.09.2018).
4. Dai J., Zhou, S., Keane M., Huang Q. Mobility of the creative class and city attractiveness: A case study of Chinese animation workers // *Eurasian Geography and Economics*. 2012. № 53 (5). P. 649–670. DOI: 10.2747/1539-7216.53.5.649.
5. Разинская В. Д. Потенциальная территориальная мобильность молодежи Перми // *Власть*. 2015. № 7. С. 111–115.
6. Гаврилюк В. В., Мехришвили А. А., Скок Н. И., Гаврилюк Т. В., Маленков В. В. Особенности социальной мобильности молодежи XXI века. Тюмень: ТИУ, 2016. 131 с.
7. Орешкина Т. А., Одегов А. С. Гражданская культура свердловской молодежи в системе государственного управления // *Власть*. 2017. Т. 25, № 9. С. 19–26.
8. Абрамова С. Б. Образ будущего: ориентиры современной молодежи // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы: материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции «XX Уральские социологические чтения» (Екатеринбург, 27–28 февраля 2015 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 3–8.
9. Заборова Е. Н., Исламова А. Ф. Город как социальное пространство // *Социологические исследования*. 2013. № 2. С. 97–100.
10. Антонова Н. А., Ракевич Е. В. Горожане как субъект формирования имиджа города // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2016. Вып. 2 (26). С. 160–166.

11. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии: сборник переводов / РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии; пер. с англ. В. Г. Николаев; отв. ред. А. В. Гирко Москва: ИНИОН, 2005. С. 93–118.
12. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4 (34). С. 23–34.
13. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 384 с.
14. Курочкин В. И. Город-мегаполис: проблемы регулирования правового статуса в Российской Федерации // Социология власти. 2011. № 3. С. 184–191.
15. Чумаков Д. С. Мегаполис как социальный и политический феномен // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 2. С. 206–213 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.orel.ranepa.ru/upload/iblock/a2a/2014_02.pdf (дата обращения: 24.09.2018).
16. Зорьян А. А. Социокультурный анализ мегаполиса как феномена урбанизации // Вестник МГУКИ. 2014. № 6 (62). С. 68–71 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://files.mgik.org/Vestnik/2014/6/%D1%81%D1%82%D1%80.68-71.pdf> (дата обращения: 20.09.2018).
17. Кузьмина Н. В. Культурные ландшафты российских мегаполисов: символическо-семиотический аспект // Урбанистика. 2018. № 1. С. 51–58. DOI: 10.7256/2310-8673.2018.1.25394.
18. Costa P. B., Morais Neto G. C., Bertolde A. I. Urban Mobility Indexes: A Brief Review of the Literature // Transportation Research Procedia. 2017. Vol. 25. P. 3645–3655. DOI: 10.1016/j.trpro.2017.05330.
19. Wilken L., Dahlberg M. G. Between international student mobility and work migration: experiences of students from EU's newer member states in Denmark // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2017. Vol. 43. Issue 8. P. 1347–1361. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1300330.
20. Комаров К. Ю. Методологические основы разработки инновационной модели территориального образовательного пространства // Образование и наука. 2012. № 5. С. 37–50. DOI: 10.17853/1994-5639-2012-5-37-50.
21. Kirch A. «Knowledge Workers» in the Baltic Sea Region: Comparative Assessment of Innovative Performance of the Countries in the Macro-Region // Baltic Journal of European Studies. 2018. Vol. 8. Issue 1 (24). P. 176–196. DOI: 10.1515/bjes-2018-0010.
22. Brooks R. The prevalence of «life planning»: evidence from UK graduates // British Journal of Sociology of Education. 2008. Vol. 29. Issue 3. P. 325–337. DOI: 10.1080/01425690801966410.
23. Филиогло Л. Д. Трудовая мобильность молодежи в условиях нестабильной экономики // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2015. № 1. С. 36–40 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2015/15008.htm> (дата обращения: 29.09.2018).

24. Прямикова Е. В., Вандышев М. Н., Веселкова Н. В. Внутренняя миграция молодежи в Свердловской области // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы: материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции «XX Уральские социологические чтения», Екатеринбург, 27–28 февраля 2015 г. / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 416–420.
25. Самошкина И. С. Территориальная идентичность как предмет социально-психологического исследования // Вестник РГГУ. Серия «Психология». 2008. № 3. С. 43–53.
26. Gustafson P. Mobility and Territorial Belonging // *Environment and Behavior*. 2009. Vol. 41. Issue 4. P. 490–508. DOI: 10.1177/0013916508314478
27. Sager A. Critical Cosmopolitanism and the Ethics of Mobility // *Toward a Cosmopolitan Ethics of Mobility. Mobility & Politics*. Palgrave Macmillan, Cham. 2018. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-65759-2>
28. Steinberg Ph. Sovereignty, Territory, and the Mapping of Mobility: A View from the Outside // *Annals of the Association of American Geographers*. 2009. Vol. 99. Issue 3. P. 467–495. DOI: 10.1080/00045600902931702.
29. Bayona-i-Carrasco J., Gil-Alonso F., Rubiales-Perez M. et al. New Spatial Mobility Patterns in Large Spanish Cities: from the Economic Boom to the Great Recession // *Applied Spatial Analysis and Policy*. 2018. Vol. 11. Issue 2. P. 287–312. DOI: 10.1007/s12061-017-9222-x.
30. Santos S. Who are you calling sub/urban? Socio-spatial inequality and mobility in the Lisbon Metropolitan Area // *Portuguese Journal of Social Science*. 2016. Vol. 15, № 3. P. 387–407. DOI: https://doi.org/10.1386/pjss.15.3.387_1.
31. Giambona F., Porcu M., Sulis I. Students Mobility: Assessing the Determinants of Attractiveness Across Competing Territorial Areas // *Social indicators research*. 2017. Vol. 133. Issue 3. P. 1105–1132 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s11205-016-1407-1>.
32. Attridge Stirling J. Thematic networks: an analytical tool for qualitative research // *Qualitative Research*. 2001. Vol. 1. Issue 3. P. 385–405. DOI: 10.1177/146879410100100307.
33. Кабисов А. Г. Теория урбанизма и практика модернизма: Эссе Георга Зиммеля «Большие города и духовная жизнь» и модернистский роман «большого города» // *Известия Саратовского университета*. 2009. Сер. «Социология. Политология». Вып. 2. С. 66–69 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: https://www.sgu.ru/sites/default/files/journals/izvestiya/pdf/2013/12/13/2009_tom_9.2.17.pdf (дата обращения: 29.09.2018).
34. Ольденбург Р. Третье место. Кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 454 с.
35. Караваева Е. Н., Савченков Ю. И. Изменения черт темперамента при переезде в другой регион на постоянное жительство // *Сибирское медицинское обозрение*. 2011. № 4. С. 53–56 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://smr.krasgmu.ru/files/32_1418029749_smo_2011_n4_70_.pdf (дата обращения 26.09.2018).

36. Бархатов В. И. Природа и эволюция российского капитализма // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 2 (398). Сер. «Экономические науки». Вып. 56. С. 5–18.

37. Lysgård H. K., Rye S. A. Between striated and smooth space: Exploring the topology of transnational student mobility // Environment and Planning A: Economy and Space. 2017. Vol. 49. Issue 9. P. 2116–2134. DOI: 10.1177/0308518X17711945.

38. Ильных С. А., Табарков А. В. Мегалополис как объект социологического исследования // Дискуссия. 2016. № 3 (66). С. 80–85.

39. Рукша Г. Л., Кудрина Е. Л. Мегалополис как социально-культурное явление // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. 2011. № 17–2. С. 199–204 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://vestnik.kemgik.ru/images/stories/vestnik172.pdf> (дата обращения: 21.09.2018).

40. Мартыянов В. С., Руденко В. Н. Российские мегалополисы: от индустриальных городов к стратегии многофункциональных агломераций // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 316–330.

41. Осипова О. С. Исследование территориальной миграции молодежи (по данным RLMS – опрос 23 волны) // Социально-экономические преобразования и проблемы: сборник научных трудов. Вып. 5. Н. Новгород: НИСОЦ, 2015. С. 96–109.

42. Зеер Э. Ф. Социально-профессиональная мобильность учащейся молодежи как фактор подготовки к динамическому профессиональному будущему // Образование и наука. 2014. № 8. С. 33–48. DOI: 10.17853/1994-5639-2014-8-33-48.

43. Wong P., Wing L. Career and life planning education in Hong Kong: Challenges and opportunities on the theoretical and empirical fronts // Hong Kong Teachers' Centre Journal. 2017. Vol. 16. С. 125–148 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://www.edb.org.hk/HKTC/download/journal/j16/C01.pdf> (дата обращения 28.09.2018).

References

1. Mainet H., Edouard J-Ch. Quality of life and attractiveness issues in SMSTs.: Innovative or commonplace policies? Hamdouch A., Nyseth T., et al. (eds). Creative approaches to planning and local development. Critical perspectives. Insights from Small and Medium-Sized Towns in Europe, Routledge Publisher; 2017 [cited 2018 Sep 29]. P. 234–248. Available from: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01464952/document>

2. Kwiatek-Soltys A., Mainet H. Quality of life and attractiveness of small towns: A comparison of France and Poland. *Quaestiones Geographicae* [Internet]. 2014 [cited 2018 Sep 26]; 33 (2): 103–113. DOI: 10.2478/quageo-2014-0019

3. Sinkien J., Kromalca S. Concept, directions and practice of city attractiveness improvement. *Viešoji politika ir administravimas. Public Policy and Admi-*

nistration [Internet]. 2010 [cited 2018 Sep 20]; 31: 147–154. Available from: https://www.mruni.eu/en/mokslo_darbai/vpa/archyvas/dwn.php?id=241406

4. Dai J., Zhou, S., Keane M., Huang Q. Mobility of the creative class and city attractiveness: A case study of Chinese animation workers. *Eurasian Geography and Economics* [Internet]. 2012 [cited 2018 Sep 26]; 53 (5): 649–670. DOI: 10.2747/1539-7216.53.5.649

5. Razinskaya V. D. Potential territorial mobility of Perm youth. *Vlast' = Power*. 2015; 7: 111–115. (In Russ.)

6. Gavrilyuk V. V., Mehrishvili L. L., Skok N. I., et al. Osobennosti sotsial'noy mobil'nosti molodezhi XXI veka = Features of social mobility of young people of the XXI century. Tyumen: Tyumen Industrial University; 2016. 131 p. (In Russ.)

7. Oreshkina T. A., Odegov A. S. Civil culture of Sverdlovsk youth in the system of government. *Vlast' = Power*. 2017; 9: 111–115. (In Russ.)

8. Abramova S. B. The image of the future: guidelines for modern youth. In: *Sotsiokul'turnoye razvitiye bol'shogo Urala: trendy, problemy, perspektivy: materialy yubileynoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii XX Ural'skiye sotsiologicheskkiye chteniya = Socio-Cultural Development of the Big Urals: Trends, Problems, Prospects. Materials of the Anniversary All-Russian Scientific-Practical Conference XX Ural Sociological Readings*; 2015 Feb 27–28; Ekaterinburg. Ed. by Yu. R. Vishnevsky. Ekaterinburg: Ural Federal University; 2015. p. 3–8. (In Russ.)

9. Zaborova E. N., Islamova A. F. The city as a social space. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya = Sociological Studies*. 2013; 2: 97–100. (In Russ.)

10. Antonova N. L., Rakevich E. V. Citizens as a subject of forming the image of the city. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya = Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2016; 2 (26): 160–166. (In Russ.)

11. Wirth L. Urbanism as a way of life. In: Wirth L. *Izbrannyye raboty po sotsiologii: Sbornik perevodov = Selected works on sociology: Translation Collection*. Moscow: Publishing House INION; 2005. p. 93–118. (In Russ.)

12. Simmel G. Big Cities and Spiritual Life. *Logos = Logos*. 2005; 3–4: 23–34. (In Russ.)

13. Florida R. Kreativnyy klass. Lyudi, kotoryye sozdayut budushcheye = Creative class. People who create the future. Moscow: Publishing House Mann, Ivanov and Ferber; 2016. 384 p. (In Russ.)

14. Kurochkin V. I. City-megalopolis: problems of regulation of the legal status in the Russian Federation. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of Power*. 2011; 3: 184–191. (In Russ.)

15. Chumakov D. S. Megalopolis as a social and political phenomenon. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk = Srednerussky Bulletin of Social Sciences* [Internet]. 2014 [cited 2018 Sep 24]; 2: 206–213. Available from: http://www.orel.ranepa.ru/upload/iblock/a2a/2014_02.pdf (In Russ.)

16. Zoryan A. A. Sociocultural analysis of a megalopolis as a phenomenon of urbanization. *Vestnik MGUKI = The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts* [Internet]. 2014 [cited 2018 Sep 20]; 6 (62): 68–71. Available from: <http://files.mgik.org/Vestnik/2014/6/%D1%81%D1%82%D1%80.68-71.pdf> (In Russ.)

17. Kuzmina N. V. Cultural landscapes of Russian megalopolises: Symbolic and semiotic aspect. *Urbanistika = The Urban Studies Journal* [Internet]. 2018 [cited 2018 Sep 23]; 1: 51–58. DOI: 10.7256/2310–8673.2018.1.25394 (In Russ.)
18. Costa P. B., Morais Neto G. C., Bertolde A. I. Urban mobility indexes: A brief review of the literature. *Transportation Research Procedia* [Internet]. 2017 [cited 2018 Sep 25]; 25: 3645–3655. DOI: 10.1016/j.trpro.2017.05330
19. Wilken L., Dahlberg M. G. Between international student mobility and work migration: experiences of students from EU's newer member states in Denmark. *Journal of Ethnic and Migration Studies* [Internet]. 2017 [cited 2018 Sep 29]; 43 (8): 1347–1361. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1300330
20. Komarov K. Yu. Methodological bases for the development of an innovative model of a territorial educational space. *Obrazovaniye i nauka = The Education and Science Journal*. 2012; 5: 37–50. DOI: 10.17853/1994–5639–2012–5–37–50. (In Russ.)
21. Kirch A. “Knowledge Workers” in the Baltic Sea Region: Comparative assessment of innovative performance of the countries in the macro-region. *Baltic Journal of European Studies* [Internet]. 2018 [cited 2018 Sep 28]; 8 (1, 24): 176–196. DOI: 10.1515/bjes-2018–0010
22. Brooks R. The prevalence of “life planning”: Evidence from UK graduates. *British Journal of Sociology of Education* [Internet]. 2008 [cited 2018 Sep 29]; 29 (3): 325–337. DOI: 10.1080/01425690801966410
23. Filioglo L. D. Labour mobility of young people in an unstable economy. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal “Kontsept” = Scientific-Methodical Electronic Journal “Concept”* [Internet]. 2015 [cited 2018 Sep 29]; 1: 36–40. Available from: <http://e-koncept.ru/2015/15008.htm> (In Russ.)
24. Pryamikova E. V., Vandyshev M. N., Veselkova N. V. Internal migration of young people in the Sverdlovsk region. In: *Sotsiokul'turnoye razvitiye bol'shogo Urala: trendy, problemy, perspektivy: materialy yubileynoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii XX Ural'skiye sotsiologicheskkiye chteniya = Socio-Cultural Development of the Big Urals: Trends, Problems, Prospects. Materials of the Anniversary All-Russian Scientific-Practical Conference XX Ural Sociological Readings*; 2015 February 27–28; Ekaterinburg. Ed. by Yu. R. Vishnevsky. Ekaterinburg: Ural Federal University; 2015. p. 416–420. (In Russ.)
25. Samoshkina I. S. Territorial Identity as a Subject of Socio-Psychological Research. *Vestnik RGGU. Seriya “Psikhologiya” = Bulletin of the Russian State University for the Humanities Series “Psychology”*. 2008; 3: 43–53. (In Russ.)
26. Gustafson P. Mobility and Territorial Belonging. *Environment and Behaviour*. 2009; 41 (4): 490–508. DOI: 10.1177/0013916508314478
27. Sager A. Critical cosmopolitanism and the ethics of mobility. Toward a Cosmopolitan Ethics of Mobility. *Mobility & Politics* [Internet]. Palgrave Macmillan, Cham; 2018 [cited 2018 Sep 21]. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-65759-2>
28. Steinberg Ph. Sovereignty, territory, and the mapping of mobility: A view from the outside. *Annals of the Association of American Geographers* [Internet]. 2009 [cited 2018 Sep 26]; 99 (3): 467–495. DOI: 10.1080/00045600902931702

29. Bayona-i-Carrasco J., Gil-Alonso F., Rubiales-Perez M., et al. New spatial mobility patterns in large Spanish cities: From the economic boom to the great recession. *Applied Spatial Analysis and Policy* [Internet]. 2018 [cited 2018 Sep 24]; 11 (2): 287–312. DOI: 10.1007/s12061-017-9222-x
30. Santos S. Who are you calling sub/urban? Socio-spatial inequality and mobility in the Lisbon Metropolitan Area. *Portuguese Journal of Social Science* [Internet]. 2016 [cited 2018 Sep 29]; 15 (3): 387–407. DOI: https://doi.org/10.1386/pjss.15.3.387_1
31. Giambona F., Porcu M., Sulis I. Students mobility: Assessing the determinants of attractiveness across competing territorial areas. *Social Indicators Research* [Internet]. 2017 [cited 2018 Sep 20]; 133(3): 1105–1132. DOI: 10.1007/s11205-016-1407-1
32. Attride Stirling J. Thematic networks: An analytical tool for qualitative research. *Qualitative Research* [Internet]. 2001 [cited 2018 Sep 29]; 1 (3): 385–405. DOI: 10.1177/146879410100100307
33. Kabisov A. G. The theory of urbanism and the practice of modernism: George Simmel's Essay "Big Cities and Spiritual Life" and the Modernist Novel of the "Big City". *Izvestiya Saratovskogo universiteta = Izvestiya of Saratov University* [Internet]. 2009 [cited 2018 Sep 29]; 2: 66–69. Available from: https://www.sgu.ru/sites/default/files/journals/izvestiya/pdf/2013/12/13/2009._tom_9.2.17.pdf (In Russ.)
34. Oldenburg R. *Tret'ye mesto. Kafe, kofeyni, knizhnyye magaziny, bary, salony krasoty i drugiye mesta "tusovok" kak fundament soobshchestva = The great good place: Cafes, coffee shops, bookstores, bars, hair salons, and other hangouts at the heart of a community.* Moscow: New Literary Review; 2014. 454 p. (In Russ.)
35. Karavaeva E. N., Savchenkov Yu. I. Changes in the traits of temperament when moving to another region for permanent residence. *Sibirskoye meditsinskoye obozreniye = Siberian Medical Review* [Internet]. 2011 [cited 2018 Sep 26]; 4: 53–56. Available from: http://smr.krasgmu.ru/files/32_1418029749_smo_2011,_n4_70_.pdf (In Russ.)
36. Barkhatov V. I. Nature and evolution of Russian capitalism. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye nauki = Bulletin of the Chelyabinsk State University. Economics.* 2017; 2 (398): 5–18. (In Russ.)
37. Lysgard H. K., Rye S. A. Between striated and smooth space: Exploring the topology of transnational student mobility. *Environment and Planning A: Economy and Space* [Internet]. 2017; 49 (9): 2116–2134. DOI: 10.1177/0308518X17711945
38. Ilinykh S. A., Tabarkov A. V. Megalopolis as an object of sociological research. *Diskussiya = The Discussion Journal.* 2016; 3 (66): 80–85. (In Russ.)
39. Ruksha G. L., Kudrina E. L. Megalopolis as a socio-cultural phenomenon. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy = Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts: Journal of Theoretical and Applied Research* [Internet]. 2011 [cited 2018 Sep 21]; 17–2: 199–204. Available from: <http://vestnik.kemgik.ru/images/stories/vestnik172.pdf> (In Russ.)

40. Martyanov V. S., Rudenko V. N. Russian megalopolises: From industrial cities to the strategy of multifunctional agglomeration. *Nauchnyy yezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk = Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2012; 12: 316–330. (In Russ.)

41. Osipova O. S. A Study of the territorial migration of youth (according to RLMS data, a survey of 23 waves). In: *Sotsial'no-ekonomicheskiye preobrazovaniya i problemy. Sbornik nauchnykh trudov = Socio-Economic Transformations and Problems. Collection of Scientific Papers*; 2015; N. Novgorod. N. Novgorod: Publishing House NISZ; 2015. p. 96–109. (In Russ.)

42. Zeer E. F. Socio-professional mobility of young students as a factor in preparing for a dynamic professional future. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2014; 8: 33–48. DOI: 10.17853/1994-5639-2014-8-33-48 (In Russ.)

43. Wong P., Wing L. Career and life planning education in Hong Kong: Challenges and opportunities on the theoretical and empirical fronts. *Hong Kong Teachers' Centre Journal* [Internet]. 2017 [cited 2018 Sep 28]; 16: 125–148. Available from: <https://www.edb.org.hk/HKTC/download/journal/j16/C01.pdf>

Информация об авторах:

Абрамова Софья Борисовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; ORCID ID: 0000-0003-4010-8406, Researcher ID: I-1755-2018; Екатеринбург, Россия. E-mail: sofia_abra-mova@mail.ru

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; ORCID ID: 0000-0002-2063-4970, Researcher ID: Q-1495-2015, Scopus Author ID: 57038433100; Екатеринбург, Россия. E-mail: n-tata@mail.ru

Пименова Ольга Игоревна – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. E-mail: narabote.ya@yandex.ru

Вклад соавторов:

С. Б. Абрамова участвовала в разработке методики исследования, в организации исследования, обработке результатов, написала основную часть статьи.

Н. Л. Антонова инициировала исследование, выдвинула идею публикации, участвовала в разработке методики исследования, написала заключение и отредактировала окончательный вариант статьи.

О. И. Пименова участвовала в проведении исследования и написала введение.

Статья поступила в редакцию 15.09.2018; принята в печать 14.11.2018.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Sofya B. Abramova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Applied Social Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; ORCID ID: 0000-0003-4010-8406, Researcher ID: I-1755-2018; Ekaterinburg, Russia. E-mail: sofia_abramova@mail.ru

Natalya L. Antonova – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Applied Social Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; ORCID ID: 0000-0002-2063-4970, Researcher ID: Q-1495-2015, Scopus Author ID: 57038433100; Ekaterinburg, Russia. E-mail: n-tata@mail.ru

Olga I. Pimenova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Applied Social Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia. E-mail: narabote.ya@yandex.ru

Contribution of the authors:

S. B. Abramova participated in the development of research methods, in organising research, processing results, wrote the main part of the article.

N. L. Antonova initiated the study, put forward the idea of publication, participated in the development of the research methodology, wrote the Conclusion and edited the final version of the article.

O. I. Pimenova participated in the study and wrote the Introduction.

Received 15.09.2018; accepted for publication 14.11.2018.

The authors have read and approved the final manuscript.